

- теории, социальной практики и образования: II-ая Междунар. научно-практич. конф.: Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 81–96.
24. Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. – Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2013. – 241 с.
25. Романов А.А., Ульянич Г.А. Медийный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. – Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2014. – 163 с.
26. Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: Изд-во ГЕРС; ТГСХА, 1998. – 205 с.
27. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2009. – 180 с.
28. Nye Joseph S. Soft power. The Means to success in world politics. – New York: Public Affairs Group, 2004. – 208 p.
29. Romanov A.A., Malysheva E.V. Political language in internet communication // The V International Academic Congress “Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries” (14-16 October 2015). Papers and Commentaries, vol. II. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 152–158.
30. Romanov A.A., Novoselova O.V. Communicative space of the composite threat performatives // Journal of Language and Literature. – 2014, vol. 5, No.4. – P. 100–103.
31. Romanov A.A., Romanova L.A. Communicative construct as “tunnel window” of media discursive reality // “Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries”. The VII International Academic Congress (26-28 February 2017). Papers and Commentaries. Vol. VII. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P. 512–518.
32. Romanov A.A., Romanova L.A., Novoselova O.V. Communicative Construct of the Composite Threat performatives // Procedia: Social and behavioral Sciences. – 2015, Issue 206. – P. 71–75.

ВЛИЯНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

Л.П. РЫЖОВА

*Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города
Москвы «Московский городской педагогический университет», г. Москва*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты антропологической социологии в концепциях Э. Сепира и Б. Малиновского, оказавшие определённое влияние на становление и развитие коммуникативно-прагматического направления в лингвистике.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, речевая деятельность, коммуникация, языковое общение, поведение человека

INFLUENCE OF ANTHROPOLOGICAL SOCIOLOGY ON COMING INTO BEING OF LINGUISTIC PRAGMATICS

L. P. RYZHOVA

Summary. The article analyses some aspects of anthropological sociology in E. Sepir and B. Malinovsky's concepts Their ideas exerted a certain impact on formation and development of communicative pragmatic trends in linguistics.

Keywords: linguistic pragmatics, speech activity, communication, language communication, behavior of the person

Сформировавшееся в языкознании второй половины XX века лингвистическая прагматика (прагматическая лингвистика, прагмалингвистика) представляет собой неоднородную «область исследований, имеющих своим объектом отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий / пишущий, слушающий / читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания» (4, с. 99). Она располагает как широким спектром методов, приемов и средств анализа языкового материала, так и достаточно богатым собственным понятийно-терминологическим аппаратом и характеризуется исключительной многоаспектностью исследований.

Прагмалингвистика определяется как дисциплина, описывающая и объясняющая язык как деятельность, вернее – как специфический вид деятельности общественного человека и человеческих коллективов [2, с. 14]. Исходя из личностно ориентированной деятельностной методологии научного познания, предназначение лингвистической прагматики заключается в объяснении механизмов функционирования языка через выявление условий и способов реализации *коммуникативной интенции* участников речевого взаимодействия, через установление закономерностей использования языковых форм в различных ситуациях общения, через изучение языковых средств, так или иначе маркирующих компоненты прагматической ситуации. Лингвистическая прагматика «по необходимости обращается к данным социолингвистики, этнолингвистики, этнографии речи, теории коммуникации и т.п.,» [3, с. 9].

Для становления и развития прагматического направления в языкознании важную роль сыграло направление антропологической и этнометодологической социологии, возникшее в 40-е годы в США под влиянием идей таких исследователей, как Эдвард Сепир (1884–1939), Бронислав Каспер Малиновский (1884–1942) и др.

В 1928 году в Гааге на 1-м Международном Конгрессе лингвистов: Э, Сепир высказал пророческую мысль: «... Остается только надеяться, что лингвисты четко осознают важность своего предмета для науки в целом и не замкнутся в рамках традиции, угрожающей педантизмом, если она не будет оживлена интересом, который выйдет за рамки чисто технического аспекта лингвистических исследований. < ... > Очень важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и справедливо – в проявлении интереса только к красоте их предмета, осознали, что их наука может приобрести новые черты для интерпретации человеческого поведения в целом. < ... > Хотят они того или нет, они должны все больше ее внимание уделять многочисленным этнологическим, социологическим и психологическим проблемам, которые завоевывают языковое пространство» [1].

Основополагающим для понимания сущности языка Э. Сепир считал понятие общения (communication). Для него совершенно очевидно, что для формирования общества, его объединений и подразделений, а также для взаимопонимания между его членами необходимы какие-то процессы коммуникации», и «...любой культурный стереотип и любой единичный акт социального поведения эксплицитно или имплицитно включают коммуникацию в качестве составной части. По его мнению, язык является самым эксплицитным из всех известных нам видов коммуникативного поведения [1, с. 597-598] Однако коммуникация в обществе не должна пониматься как «статическая структура»: речь идет о чрезвычайно сложной сети отношений понимания, полного или частичного, между членами различных объединений, из которых состоит общество. Индивидуальные акты общения, осуществляемые членами общества, постоянно изменяют и обновляют это общество. Тем самым это понятие подводит фундамент под социологию, которая отрицает всякий объективизм [1, с 597-605]. Э. Сепир отмечает интересные факты относительно функционального многообразия языка, что представляет особую значимость для исследователей общества: Язык – мощный фактор социализации, может быть, самый мощный из существующих. Под этим разумеется не только очевидный факт, что без языка едва ли возможно серьезное социальное взаимодействие, но также и тот факт, что обычная речь выступает в качестве своеобразного потенциального символа социальной солидарности всех говорящих на данном языке [1, :595-596]. Кроме того, «... язык, помимо своей основной функции как средства общения, выступает в роли социализующего фактора еще в одном важном аспекте. Это установление социального контакта между членами временно образуемой группы, например, во время приема гостей. Важно не столько то, что при этом говорится, сколько то, что вообще ведется разговор. В частности, когда между членами данной группы нет глубокого культурного взаимопонимания, возникает потребность заменить его легкой болтовней. Это успокаивающее и вносящее уют качество речи, используемой и тогда, когда, собственно, и сообщить нечего, напоминает нам о том, что язык представляет собой нечто большее, чем простая коммуникативная техника. Ничто лучше этого не демонстрирует того, до какой степени жизнь человека как животного, возвышенного культурой, находится во власти вербальных субститутов физического мира.

И вместе с тем, несмотря на то, что язык действует как социа-лизирующая и унифицирующая сила, он в то же время является наиболее мощным и единственно известным фактором развития индивидуальности [1, с 595: 596].

Основное положение Э. Сепира, считающего, что язык – это путеводитель в социальной действительности, легло в основу исследований в рамках антропологической и этноме-тодологической социологии. Установление соответствий (congruencies) между системой восприятия и практическим поведением, между коммуникацией и социальным поведением людей стали определяющими в *антропологических* исследованиях большой

группы американских ученых, стремящихся сформулировать общую теорию человеческого поведения. Языковая деятельность интересует антропологию, но как средство для понимания социокультурной организации того или иного языкового сообщества. В рамках этой теории язык является лишь одним из изучаемых специфических объектов, несмотря на то, что ему как инструменту деятельности принадлежит центральное место.

Эти положения – социологические, по сути, – получили в 30-е годы XX столетия дальнейшее развитие в гипотезе Бронислава Каспера Малиновского (1884–1942) о «прагматической функции языка», заключающейся в том, чтобы «играть активную прагматическую роль в человеческом поведении. <...> Язык (*le langage*) является необходимым механизмом любой человеческой деятельности», поскольку «... слова обладают свойством действия и так же являются действиями» [Malinowski 1935: 242-243]. Для него язык – это обычай, это способ стандартизированной деятельности человеческого организма.

Согласно позиции Б. Малиновского, значение слова строго ограничено ситуацией, в которой оно появляется, и его истолкование является процессом **контекстуализации**. Последовательно разграничивая *вербальный* контекст (непосредственное окружение слова и высказывания), *ситуативный* (непосредственные условия, в которых имеет место данный речевой акт) и *культурный* (социальная реальность в целом, физическая или нефизическая), он считает, что задача исследователя – «постоянно заниматься контекстуализацией высказываний, формул и слов, устанавливая их место и описывая их употребление» [6: с. 314].

Выявляя взаимосвязь языка и культуры, обусловленную социальной и биологической природой человека, Б. Малиновский считает фатическое поведение (*phatic communion*) важнейшей формой человеческого поведения вообще. Он утверждает, что в «своих примитивных использованиях языковые функции следует рассматривать как звено в согласованной человеческой деятельности, как компонент человеческого поведения. Язык есть вид деятельности, а не инструмент мышления» [6, с.: 474]. И это определяется социальной природой человека, которая делает необходимым для человека простое присутствие других. В свете такого понимания сущности языка Б. Малиновский справедливо замечает: «Лингвисты должны однажды покинуть свое двухмерное пространство, сделанное из пергамента и клочков бумаги (*fait de parchemins et de bouts de papiers*), и выйти на место событий, чтобы понять живую речь в контексте их реальных ситуаций» [6, с. 1937: 172], соединив изучение речевой коммуникации с методами полевой антропологической и этнографической работы.

Таким образом, в социологической теории Э. Сепира и Б. Малиновского во многом уже был очерчен круг проблем будущих прагматических исследований, получивших дальнейшее развитие в 50 – 70-е годы XX столетия,

ЛИТЕРАТУРА

1. Сепир Э. Культура, социум, личность // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Изд-во группы «Прогресс», «Универс», 1993. – С. 594-611. *Филологи мира).9
2. Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин, 1983. - С. 3-15.
3. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988. - С. 7-13.
4. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. – Винница, Нова книга, 2009.
5. Malinowski B.K. The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia, 1929.
6. Malinowski B.K. Coral Gardens and Their Magic: A Study of the Methods of Tilling the Soil and of Agricultural Rites in the Trobriand Islands, 1935.

КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ ПОЛЕЗАВИСИМОСТЬ/ ПОЛЕНЕЗАВИСИМОСТЬ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

И.А. СТЕПАНОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский Государственный Университет», Ижевск

Аннотация. В статье рассматриваются параметры теоретического описания стиля полезависимость/полenezависимость и обосновывается возможность их применения в изучении языковой личности.

Ключевые слова: когнитивный стиль, полезависимость/ полenezависимость, стиль мышления, психология.

FIELD DEPENDENT/INDEPENDENT COGNITIVE STYLES IN LINGUISTIC PERSPECTIVE

I.A.STEPANOVA

Summary. This article deals with the parameters of theoretic description of field-dependent/field-independent cognitive style. In addition, the author shows the possibility of their using in the linguistic personality study.

Key words: cognitive style, field dependence and field independence, styles of thinking, psychology.

Теория когнитивных стилей – это своеобразная микропарадигма для изучения особенностей интеллектуального поведения, которая может быть расширена за счет применения соответствующих методик до включения в объяснительную сферу речевого поведения, в т.ч. рефлексивного.

Теория когнитивных стилей возникла в 1950-е годы, когда внимание когнитивной психологии сосредоточилось на активной роли индивидов в обработке информации и индивидуальных различиях когнитивного функционирования. Учеными было установлено, что разные люди имеют разные предпочтительные для них способы получения, запоминания, обработки